

заслуга Мономаха и тут, и там — это страх, который он нагнал на врагов Руси и, в первую очередь, на половцев: в „Слове о погибели“ Владимиром „половци дети своя ношаху [очевидно испорченное из „страшаху“] в колыбели, а Литва из болота на свет не выныкиваху, а угры твердыху каменни города железными вороты, абы на них великий Володимер тамо не вьсекал, а немди радовахуса, далече будуче за синим морем“.¹

От величественного прошлого оба вступления переходят к печальному настоящему: вступление к жизнеописанию Даниила говорит о великом мятеже, восставшем в земле Русской; „Слово о погибели“ напоминает о „болезни крестияном“ последних дней.²

В дальнейшем и жизнеописание Даниила и житие Александра в моменты наибольшей опасности для своих героев вспоминают их предков. Так, например, описание пребывания Даниила в Орде сопровождается следующим лирическим восклицанием автора: „О злая честь Татарская! *Ею же отець* бе царь в Руской земли, иже покори Половецкую землю и воева на иные страны все, сын того не прия чести, то иный кто может прияти?“³ Ср. в житии Александра перед битвой со шведами: „Жалостно слышати, яко *отец* его Ярослав честный, великий, не бе ведал такового встанья на сына своего милаго великаго князя Александра Ярославича“.⁴ Еще ближе к жизнеописанию Даниила то место „новой“ (древнейшей) редакции жития Александра, где воспоминание об отце Александра — Ярославе — стоит в связи с путешествием Александра к Батыю, т. е. в том же сочетании, что и в жизнеописании Даниила: „Якоже бо по первом велицем взятьи Тотьарьстем *отец* его великий князь Ярослав... сам сзебе не пощаде, предать бо ся сам за люди своя в великую и темную и пагубную землю и много пострадав за землю отъчины своя, обажен бысть Федором Яроковицем и многы дни пострадав, и тако с миром дух предать. Тако же и сын Александр не остави пути отца своего за люди своя, за тыя же много пленения прият...“⁵

К сожалению, жизнеописание Даниила Галицкого не было доведено до его смерти; поэтому мы лишены возможности судить о композиции жизнеописания Даниила в целом, но предполагать, что житие Александра заканчивалось в южно-русской манере, некогорые основания все же имеются. Дело в том, что к известному образному сравнению митрополитом Кириллом Александра с закатившимся солнцем Суздальской земли в исследованиях жития Александра Невского⁶ были приведены лишь две параллели — и обе из Ипатьевской летописи. Одно — в описании смерти Мстислава Ростиславича под 1179 г.: „уже бо солнце наше заиде ны и во обиде всем остахом“; другое — в описании смерти Володимера Васильковича под 1288 г.: „уже бо солнце наше заиде ны и во обиде всем остахом“. В последнем случае мы имеем не простое совпадение или заимствование, а несомненную южно-русскую литературную традицию в описании смертей, что доказывается другими словами в описании смерти Володимера Васильковича: „и приложися ко отцемъ своим и дедом, отдав общий долг, его же несть убежати всякому роженому“.⁷ Приведенные слова читаются также в описании смерти Святослава

¹ Памятнички древней письменности, LXXXIV, 1892, стр. 22—23.

² Возможно, что имеется также связь между стоящими в начале „Слова о погибели“ словами „о смерти великого князя Ярослава“ и первыми словами статьи 1201 г. Ипатьевской летописи: „По смерти же великого князя Романа“. В „Слове о погибели“ значение упоминания смерти Ярослава не ясно.

³ Ипатьев. лет., 1250 г.

⁴ В. Маняцка, стр. 3.

⁵ Там же, стр. 13.

⁶ Там же, стр. 39.

⁷ Ипатьев. лет., 1288 г.